

Елена Михалёва

**БЕЗУПРЕЧНЫЕ
СОЗДАНИЯ**

МОСКВА
2024

Елена Михалёва

**БЕЗУПРЕЧНЫЕ
СОЗДАНИЯ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Дизайн обложки *Д. Васильченко*

Михалёва, Елена Алексеевна.

М69 Безупречные создания : [роман] / Елена Михалёва. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-203837-2

Елизавета Бельская — подающая большие надежды воспитанница института благородных девиц. Ее ждет прекрасное будущее. Однако в Смольном начинают происходить шокирующие события. Две подруги Елизаветы оказываются отравлены. Девушка вынуждена расследовать, кто стоит за этими преступлениями, поскольку выбора у нее нет: все указывает на то, что следующей жертвой будет она.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Михалёва Е.А., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-203837-2

Глава 1

Невесело и досадно тянулись дни в преддверии скорых летних каникул. Май выдался солнечным, а начало июня — душным. По ночам с Невы тянуло сыростью, но вместо желанной прохлады сквозь распахнутые окна в комнаты проникали лишь докучливые комары. Не спасали ни марлевые шторы, ни вонючее камфорное масло, которое жгли в лампадкаx на подоконниках. Поэтому спать девушки предпочитали с закрытыми окнами: пусть воздух и спёртый после сна, но всяко лучше, чем дышать камфорой или же чесаться от укусов.

Однако классную даму подобное, по обыкновению, не устроило.

Первое, что сказала Анна Степановна тем утром, было её дежурное:

— Bonjour, mes demoiselles¹.

А затем, едва переступив порог дортуара, она поморщилась, словно бы оказалась в накуренном кабаке, и брезгливо добавила:

— Нет, это решительно невыносимо! Опять закупились, точно их украдёт кто-нибудь!

---

¹ Доброе утро, дамы (франц.).

Классная дама гневно застучала каблуками через всю комнату, чтобы с нарочитым грохотом распахнуть оконную раму и впустить солнечный свет и лёгкую прохладу июньского утра.

— Анна Степановна, так ведь комары, — сонно простонала со своей постели Наталья.

— Что комары, Натали? Унесут вас через форточку? И слушать не желаю ни о каких комарах. — Она сердито захлопала в ладоши. — Поднимайтесь к завтраку. Ольга Николаевна — умница, уже встала, я погляжу. А вы всё спите. Это из-за духоты. — За первым окном женщина открыла и второе, отчего в уютно-сумрачной комнате тотчас сделалось светло. — Вот погодите, заработаете головную боль. А ругать меня станут. Скажут, я недосмотрела. И без того чересчур много вам позволяю, любезные сударыни.

С этими словами Анна Степановна Свиридова, их суровая и застёгнутая на все пуговицы наставница, удалилась.

Раньше она таковой не была.

Лиза справедливо считала, что им с классной дамой очень повезло. Прочие учительницы и инспектрисы имели дурную привычку к вздорным придирам и окрикам. Младшим девочкам они давали обидные прозвища. Со старшими порою откровенно воевали, ибо те уже не сносили обид столь покорно, как прежде. Но Анна Степановна с первых дней была с девочками ласкова и терпелива. Вместо наказаний она всегда доискивалась до причин, почему её воспитанницы ведут себя неподобающе или же не успевают по учебным дисциплинам. Эта полноватая, похожая на греческую скульптуру женщина с седеющими волосами и пронизательным взглядом серых глаз сочетала в себе

качества строгой воспитательницы и внимательной матушки, которую, вероятно, пыталась заменить девочкам.

Разумеется, некоторые смолянки полагали, что всё дело в дворянском происхождении её воспитанниц. Якобы Свиридова побаивалась их влиятельных родителей. Отсюда и все поблажки. Но Лиза с девяти лет знала эту женщину и понимала, что Анна Степановна умела проявлять строгость, когда считала это уместным. Особенно если пребывала не в духе. Совсем как отец Лизы. И с годами эта черта в ней лишь укреплялась.

Поэтому препираться Елизавета Бельская не стала. Она послушно свесила ступни с кровати и принялась нашаривать туфли босыми ногами.

— Доброе утро, ангел мой, — улыбнулась ей рыжая жизнерадостная Наталья, которая уже натягивала поверх сорочки халат.

— Bonjour. — Лиза сладко потянулась.

Ей удалось-таки отыскать вторую мягкую туфельку. Девушка бодро прыгнула с постели и подошла к окнам, чтобы поправить небрежно раскрытые шторы. Лиза придала плотной тёмно-кофейной ткани красивые складки, сняла бесполезную марлю от комаров, сложила её и водрузила на подоконник аккуратным свёртком.

— Такой день чудесный, — заметила вслух Бельская, выглядывая в окно. Туда, где раскинулся сад Смольного института. С их второго этажа вид открывался просто изумительный. — Как думаете, нам сегодня позволят погулять подольше?

— Было бы славно. Но это если Ермолайка сжалится и не оставит после занятий, как на минувшей неделе случилось, — без энтузиазма ответила ей Наталья.

Она расплела свои роскошные рыжие волосы, откинула их за спину и побрела в ванную комнату умываться.

«Ермолайкой» девушки прозвали за глаза своего строгого учителя химии, Петра Семёновича Ермолаева. Почтенный учёный муж преклонных лет отличался удивительной нелюбовью ко всему женскому полу, как думали институтки. Он постоянно заставлял их задерживаться после занятий и до бесконечности решать химические уравнения. Твердил, что все они беспросветно глупы и неспособны к учёбе, что, разумеется, оставалось далёким от правды. В отместку девушки прозвали его «Ермолайкой», как какого-нибудь кучера, привыкшего понукать лошадей.

Лиза отвернулась от окна.

Три из четырёх кроватей, включая её собственную, были пусты. Спала лишь Татьяна, отвернувшись к стене лицом. Так что только макушка да часть толстой русой косы виднелись из-под одеяла.

Ольга ушла в ванную комнату первой. Встала, ещё когда они спали. Лиза даже этого не слышала. Постель подруги пребывала в беспорядке.

— Танечка, как думаешь, отпустит нас Пётр Семёнович сегодня пораньше? — весело спросила девушка.

Подруга не ответила. Даже плечом не повела.

— Ох и засоня же вы, Татьяна Александровна. — Лиза со смехом направилась к шкафу, чтобы взять халат. — Вот выйдешь замуж за своего доктора через год, придётся все привычки менять. Вставать раньше, провожать его, вечерами дожидаться к ужину. Думаешь, хватит у тебя терпения?

Лиза снова тихо засмеялась. На сей раз как-то грустно.

Она и сама всё чаще размышляла о том, что станет с ней после выпуска. Это здесь, в Смольном, всё ей привычно: режим дня, уроки, учителя и подружки. Их комната с канареечными стенами и бело-синей изразцовой печью, где всё одинаковое вот уже восемь лет. Их отдельный дортуар на четверых, где всего по четыре — кровати, четыре стола, стульев, гардеробов. И будто бы вся жизнь на четверых у них разделённая. Пусть кто-то из воспитанниц твердил, что их существование немногим лучше монастырского уклада, Лиза не сомневалась в том, что она в институте счастлива. А ещё она совершенно не представляла, какой жизнь сделается через год. Она бы и рада была остаться при пансионе. Преподавала бы французский или немецкий младшим девочкам. Но папенька не позволит. Она же ведь не сиротка какая-нибудь, а дочь действительного тайного советника. Так что разойдутся их пути с подругами однажды. Будут видеться на светских приёмах, переписываться да слать друг другу подарки на праздники.

Елизавета встряхнула свой халат. Будто отгоняла печальные мысли, которые грозились испортить ей такой чудесный день.

— Татьяна, c'est l'heure de se lever...¹

Договорить Лиза не успела, потому как истошный женский визг пронзил тишину и негу июньского утра.

Кричала Наталья. И в этом крике не просто прозвучал девичий испуг, но истерический ужас, от которого по коже пробежал мороз.

Елизавета бросила халат на свою кровать. Она побежала в широкий коридор.

---

¹ Пора вставать (франц.).

Другие девочки, такие же заspanные и неодетые, в нерешительности выглядывали из своих комнат. Кто-то вышел. А с противоположного конца на крик спешили две классные дамы. Лиза их опередила.

Она, как была, в одной сорочке выскочила в застеленный истоптанным вишневым ковром коридор и завернула за угол, к дверям в их отдельную ванную комнату.

Дверь в прохладное помещение оказалась распахнутой.

Первым, что Лиза увидела, была Наталья. Её рыжая подруга сидела на кафельном полу прямо у входа и кричала во всё горло, вцепившись пальцами себе в волосы.

А вторым...

Вторым было тело другой подруги.

В углу возле широкой керамической раковины лежала Ольга. Кожа её приобрела синюшный оттенок, а белая сорочка на груди напиталась кровью, такой яркой, что показалась Лизе ненастоящей. Кажется, эта яркая кровь была здесь повсюду — на кафеле, на виске девушки и даже на краю раковины. Её тяжёлый запах с примесью железа витал в воздухе ванной комнаты, где по обыкновению не пахло ничем, кроме сырости и цветочного мыла.

Это зрелище настолько поразило Лизу, что она не сразу осознала случившееся.

Ольга была мертва.

— Господи помилуй, — только и смогла прошептать оторопевшая девушка, осенив себя крестным знаменем.

Услышавшая её голос Наталья будто очнулась. Она на четвереньках подползла к Лизе и вцепилась в ноги

подруги, ища защиты и спасения. Крик Наташи обернулся истерикой. Девушка разразилась слезами. На покрасневшем лице выступили отчётливые белые пятна.

Коридор тем временем заполнился людьми. Подоспевшие классные дамы пытались выяснить, что же случилось в институте ни свет ни заря. Кто-то ругался, что не спустит с рук столь беспардонного нарушения тишины, ибо не пристало воспитанным девицам так неприлично голосить. Однако все замечания тотчас утихли, едва наставницы оказались в ванной комнате.

Лиза медленно опустилась на пол возле Натальи и обняла её. Она двигалась совершенно механически, потому как не могла оторвать взгляда от Ольги, синей и неподвижной, залитой кровью.

— Что здесь произошло? — раздался за спиной голос Анны Степановны.

Наташа зарыдала ещё горше.

— Не знаю, — с трудом вымолвила Бельская непослушными губами. Во рту пересохло. Горгань неприятно щипало. — Наверное, она тут... лежала... Наталья нашла.

Её рыжая подруга энергично закивала, продолжая сотрясаться от рыданий.

Столпившиеся в коридоре осмелели. Раздались голоса.

Кто-то из подошедших к дверям в ванную комнату девочек упал в обморок с криком.

Побледневшая как полотно Анна Степановна замала руками.

— Разойтись! — скомандовала она строго в попытке сохранить самообладание. При этом её голос взлетел вверх неестественно высоко. — Всем разойтись по ком-

натам и не выходить! *Maintenant!*¹ Не на что тут смотреть!

Свиридова продолжила громкими, нервными криками разгонять перепуганных институток. Лиза толком не вслушивалась в её слова. Лишь уловила, как другие классные дамы, что вошли в ванную комнату и остановились подле несчастной Ольги, сказали:

— Упала.

— Поскользнулась, похоже.

— Голову разбила о раковину насмерть.

— Упокой Господь её душу.

Всё казалось нереальным. Ненастоящим.

— Елизавета! — Голос Анны Степановны раздался над ухом. Классная дама коснулась её плеча, чтобы привлечь внимание: — Елизавета Фёдоровна, уведите Натали отсюда и дайте ей воды, пока с ней припадок не случился!

Вероятно, Свиридова сочла, что Лиза из них двоих единственная оставалась в здравом уме. Но если бы не приказ позаботиться о бедной Наталье, девушка и сама бы лишилась чувств.

Покойников Бельская прежде видела лишь в гробах на похоронах, да и то по большей части издалека. Даже смерть собственной матушки она помнила весьма смутно. Всё, что всплывало в памяти, — это приятный запах горящих свечей в церкви во время отпевания и ажурные белые кружева, которыми украсили гроб. Но то воспоминание виделось ей торжественно-печальным. Будто бы со смертью ничего общего не имело вовсе. В то время как зрелище мёртвой подруги поразило её настолько глубоко, что практически дара речи лишило.

---

¹ Живо! (*франц.*).

Лиза кое-как встала на ноги и с помощью Анны Степановны подняла с пола рыдающую Наталью.

Вместе они вышли в коридор, где прибавилось учителей и инспектрис. Все спешили на место происшествия. Институтки разошлись по комнатам, однако продолжали с любопытством выглядывать из-за неплотно прикрытых дверей.

Кто-то плакал. Кто-то громко молился.

От их дортуара до ванной комнаты было всего шагов десять. Девушки всегда гордились тем, что у них есть собственное умывальное помещение со всеми удобствами. Но сейчас эти десять шагов показались Лизе каким-то непреодолимым, бесконечным расстоянием. Она даже позабыла о том, что выскочила из спальни в одной ночной сорочке, как была.

— Наташенька, миленькая, ну что же ты, — бездумно бормотала девушка, а сама всё не могла отделаться от образа мёртвой Ольги: её раскинутые в стороны руки, разметавшиеся тёмные волосы, набрякшие от крови, и остекленевшие очи. Эта картина так и стояла перед глазами. — Не плачь, моя душа. Не убивайся. Тебе ведь дурно делается. Милая. Не нужно.

Они наконец зашли в свой дортуар.

Лиза усадила беспрестанно всхлипывающую Натали на её разобранную постель, которая стояла ближе прочих к двери.

У неё самой дрожали руки, пока она наливала воду в стакан из кувшина. Часть воды выплеснулась на письменный стол. Ещё немного — на ноги и на ковёр.

— Попей, пожалуйста. — Она протянула стакан Наташе и, пока подруга пила частыми глотками, возвратилась к столу, чтобы налить ещё один для себя. — Сейчас оденемся и пойдём к доктору в лазарет, — бор-

мотала Бельская, стараясь привести в чувство скорее себя, нежели Наталью. — Пусть даст тебе успокоительные капли. И мне. Мне тоже надо капли.

Лиза осушила стакан и со стуком поставила его на стол. Только сейчас она вспомнила, что они с Наташей не одни в комнате.

Таня по-прежнему сладко спала, отвернувшись лицом к стене.

— Господи, Татьяна! — Лиза судорожно всплеснула руками. — В толк не возьму, как ты можешь спать в такую минуту!

Наталья выразительно всхлипнула. Уронила опустевший стакан на пол. И рухнула лицом в свою подушку, зарыдав с новой силой.

— Натали, прекрати! Ты заболеешь! Слышишь меня? — Лиза дёрнулась было к ней, но замерла посреди комнаты. — Таня, нельзя же так! Встань! Помогите мне! Не видишь, Наташе плохо! Там Ольга в ванной разбилась насмерть, а Наталья её нашла!

Но Татьяна не реагировала.

Внутри у Лизы Бельской всё будто окаменело.

Девушка метнулась к спящей подруге и принялась трясти её за плечо, дабы поскорее разбудить.

Но Таня попросту перевернулась на спину, как безвольная кукла. Голова откинулась. Лицо её выглядело бескровным, а губы — синюшными. Веки опущены, но вовсе не как у спящего человека, готового в любой момент пробудиться.

Татьяна была холодна и мертва.

Вот она, красавица с пухлыми губами. С русой косой до пояса и звонким, переливчатым смехом. Сегодняшняя невеста. Будущая жена. Лежит без движения. Без какой-либо искры жизни. Разве же может подоб-